Глеб Иванович Успенский

Неплательщики

Глеб Иванович Успенский

Неплательщики

Серия «Новые времена, новые заботы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664845

Аннотация

«…Центральной проблемой очерка является вопрос о судьбе «неплательщика»-интеллигента в условиях капитализма. Успенский отразил процесс, сущность которого В. И. Ленин выразил в следующих словах: «Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих,* предъявляет все больший спрос на интеллигенцию…. капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень» …»

Содержание

I 4
II 11
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Глеб Иванович Успенский
Неплательщики[1]

I

Для полной последовательности в изложении истории распоясовского кармана, с древнейших времен до настоящего времени, необходимо было бы, тотчас за рассказом о появлении в распоясовских палестинах Ивана Кузьмича с его теорией оборотов капитала, начать рассказ о появлении в тех же местах новой питательной железнодорожной ветви, так как «Иваны Кузьмичи» и «питательные ветви» составляют между собою неразрывный союз и друг без друга решительно не могли бы существовать. Иван Кузьмич потому только находит выгоду рубить, копать, рыть, пилить и вообще опустошать распоясовокое добро, что железная питательная ветвь тотчас же, в мгновение ока, может за тридевять земель унести все это выкопанное, расколотое, распиленное, поваленное на землю и вывернутое с корнем из земли… Точно так же и новая питательная ветвь потому только не занесена сугробами, что с каждым днем растет количество Иванов Кузьмичей, а стало быть, и количество нарубленного, вырытого, распиленного, словом, количество опустошаемого, или, говоря газетным языком, «количество грузов». Не

будь дороги, Иван Кузьмич не стал бы рубить и рыть: куда бы он девался со всем этим добром?.. Не будь Ивана Кузьмича, что бы взяла железная дорога с распоясовского населения, у которого нет почти ничего, кроме белого, довольно кислого квасу? Неразрывность связи питательных ветвей и Иванов Кузьмичей подкрепляется еще и тем обстоятельством, что как одни, так и другие одинаково развивают в распоясовском населении вкус получать *за все* чистыми деньгами: «чистыми деньгами» платит Иван Кузьмич за эти дремучие леса, каменные горы, за все эти «недра земли»; за «чистые деньги» тащит он все эти недра при посредстве, конечно, все тех же распоясовских обывателей на железную дорогу, а дорога, нагрузив добычу Ивана Кузьмича в свои новые вагоны, немедленно уносит ее за тридевять земель, оставляя распоясовским обывателям за нагрузку увезенного добра ни много ни мало – *по восьми гривен с тысячи пудов,* конечно, «чистыми деньгами» и, конечно, по взаимному соглашению.

Несмотря на крайне юмористический, хотя и вполне действительный размер вышеупомянутой цифры, тот факт, что распоясовский обыватель так или иначе получает «за все», им самим утраченное, восемь гривен серебром барыша чистыми деньгами, этот факт сам по себе уже достаточен для того, чтобы тотчас же со всею обстоятельностью исследовать цели, средства и результаты, имеющие быть от появления в глухих местах новорожденных питательных ветвей. Но, при всем нашем желании теперь же сосредоточиться на этом но-

вом, продолжающем и развивающем теории Ивана Кузьмича явлении, мы не делаем этого сию минуту потому, во-первых, что боимся слишком долго останавливать внимание читателя на одном и том же и притом таком непривлекательном предмете, как мужицкий карман, – на предмете, сухость и тягость которого еще более увеличивались бы развитием такой трагической подробности, как физиология питательной ветви, а во-вторых, потому, что питательная ветвь, несмотря на свои молодые годы, уже успела ознаменовать себя такими яркими проявлениями, которые невольно охлаждают охоту умиляться перед шестнадцатью пятаками, оставляемыми ею распоясовскому мужику, и невольно заставляют подумать о другом. Чтобы не ходить далеко за такими неловкими проявлениями, упомянем хотя бы о том плачевном факте с этими же шестнадцатью пятаками, по которому оказывается, что, выдавая их распоясовцу чистыми деньгами чрез посредство какого-нибудь начальника станции, питательная ветвь совершенно иными путями, словно и не она, а кто-то другой, извлекает эти шестнадцать пятаков (пятаком больше, пятаком меньше, – не все ли равно?) в бездонную пропасть своего трехмиллионного бюджета… Факт печальный, но действительный. В ту самую минуту, когда распоясовец, превращенный Иваном Кузьмичом в истинного Лира[2] и затем

[2] *…распоясовец, превращенный… в истинного Лира…* – то есть выгнанный из дома и доведенный до крайней нищеты, подобно королю Лиру в одноименной трагедии Шекспира.

вновь возвращенный в мужическое звание восемью гривнами, в ту самую минуту, когда этот не король Лир, а Лир-мужик стал было уверять себя, что «вот, мол… *по крайности все же деньги»,* – в эту-то минуту к нему явился трехмиллионный бюджет питательной ветви и потребовал заплатить за него полмиллиона рублей гарантии… Оказывалось, что, несмотря на все старания Иванов Кузьмичей опустошить отечество, дорога не может покрыть расходов, не может заплатить процентов на те кучи денег, которые нахватали там и сям, приготовляясь обогащаться и обогащать… Трехмиллионный бюджет громко ропщет на распоясовца за то, что он ничего не производит, а умеет торговать только своими «готовыми недрами», которые слишком дешевы и постоянно требуют пониженного тарифа… Оказывалось кроме того, что не понижать тарифа на эти недра невозможно, так как все, что имел бюджет в виду, кроме распоясовских недр, точно так же обмануло его, и обмануло самым жестоким образом: мука гречневая, мука пшеничная, пеклеванная, ржаная – словом, все сорта всевозможной муки, на бесчисленное количество грузов которой рассчитывала ветвь, эта бессовестная мука не поехала по ветви… совсем не поехала… На всех парах разлетевшись к той избенке на берегу Волги, где проживала эта мука, красноглазый локомотив новой питательной ветви увидел, что у той же избенки уже светятся десятки красных глаз других локомотивов от других питательных ветвей, приехавшие к избенке тоже за этой мукой. «Где

тут пеклеванная? Где тут пшеничная? Где мука ржаная?..» – орали красноглазые кулаки, а из избенки слышался кашель, и какой-то больной голос едва слышно отвечал: «Как-кая там мука-а!.. Самим нечего… кха-кха… всё дочиста обобрали… кха-а!.. Нету ничаво!..» Как ни орали, как звонко ни гаркали локомотивы питательных ветвей, а должны были убедиться, что нет муки, что какая была, та уж уехала… Посвистал, посвистал и наш красноглазый покупатель, да и поплелся назад, таща за собою в бюджет весьма основательный и тоже «чистый» убыток… То же, что и с мукой, случилось и со всем прочим, что должно было ехать по нашей ветви… Должно было, кроме муки, ехать семя льняное, семя конопляное, семя горчичное, семя сорочинское – и не поехало. «Какое тут семя-а… – отвечали с кашлем из избенки на Волге. – Ступайте отседа… Ну вас… кха!..» Должен был ехать копченый балык, мороженый берш, белорыбица, белуга, лососина, стерлядь… Должны были тучей нестись сухая вобла, окунь, осетер, сазан малосольный и сухой, сельдь иностранная и русская семга, севрюга, сом, малосольная сопа, жерех, судак, тарань, чехонь, шемая… Должны были – и не поехали! Частью потому, что уж были увезены давным-давно, частью, как, например, вобла сухая, по невежеству: эта неповоротливая тварь прямо объявила, что не поедет в заграничное путешествие, потому, мол, что непригоже копеечной даме объявляться за границей в рубль серебром. «У господ иностранцев, поди, какие свои есть!..» И снова улеглась на бе-

регу Волги вместе с бурлаками, продолжая свою копеечную торговлю и не обращая внимания на то, что трехмиллионный бюджет твердил ей о совершенно готовом и притом пониженном до крайности тарифе на ее перевозку. «Ну уж, что уж!..» – бормотала тупоумная вобла. И бюджет остался ни с чем. Соображая все эти несчастия бюджета, распоясовец решительно не знал, чем помочь барину: все, что было, увез этот самый барин вместе с Иваном Кузьмичом; прежде были, правда, соленые огурцы, но с тех пор, как прошла чугунка, и солить не на что стало, потому что нет уже заработка извозом. Кроме восьми гривен, которые, дай бог здоровья, дал вот этот самый трехмиллионный барин, у распоясовца не было почти ничего. Эти-то восемь гривен и потребовал барин, прося «честью». Распоясовец знал, что может последовать за выражением: «честью тебе говорю», – и сказал поэтому: «Н-ну, бог с вами… получай!» Отдал деньги и ушел.

Такой по малой мере неджентльменский поступок бюджета новой питательной ветви сам по себе настолько ярок и весок, что, и не вдаваясь в особенные подробности, можно уж иметь общее понятие о достоинствах такого нового явления глухих мест, как железная дорога… И вот, принимая во внимание как смысл этого нового явления, так и смысл всего, что до него происходило в распоясовских местах, невольно устаешь, утомляешься от непомерно однообразной сути и старых и новых форм распоясовской жизни и думаешь – кто же те, кто по каплям выпивает эту реку бюджетов, сли-

вающуюся из бесчисленных распоясовских ручейков? Как и чем живут те, кто не рубит, не возит, не пилит, не глупит, как распоясовский мужик, но для которых на потребу идет распоясовский труд, глупость – всё!.. Счастливы ли, довольны ли эти люди, стоящие у готового, у настоящих «чистых» денег, эти истинные неплательщики, хотя и не недоимщики?

Эти невольно родившиеся вопросы заставляют нас покинуть распоясовский карман, покинуть деревню, перенестись в город и обратить внимание уже не на карман, а вообще на состояние духа городского жителя, так как всякий город, даже такой крошечный, какой предстоит нам видеть, непременно стоит и держится потому, что через него идет ручеек из общего широкого и глубокого бюджета, и так как, живя на готовое, городской бюджетный человек блюдет несомненно какие-нибудь высшие духовные интересы…

В этих-то видах мы и приглашаем читателя, забыв все беды и радости распоясовцев, последовать за нами в современный губернский город и хоть мельком взглянуть, что у него на душе?

II

Физиономия современного губернского города, как снаружи, так и внутри, – это нечто такое, что сразу, с одного дня, расслабляет нервную систему и сразу, с одного дня, делает жизнь какою-то досадною путаницею. Путаница явлений, поражающая ваш глаз, наравне с путаницею явлений, поражающей ваш ум, лишает физиономию современного города всякого образа и подобия, образуя вместо какой бы то ни было физиономии нечто неуклюжее, разношерстное, какую-то кучу, свалку явлений, не имеющих друг с другом никакой связи и, несмотря на это, делающих бесплодные усилия ужиться вместе…

Старинный тарантас, запряженный пятериком мухортых лошаденок, как нельзя лучше подходил к глубине той лужи, в которой он обыкновенно застревал и из которой, тоже обыкновенно, вытаскивали его народом; все это вместе, то есть тарантас, лужи, люди с дубинами, как нельзя лучше подходило к широкому постоялому двору, густо застланному мягким навозом и широко распахнувшему свои тесовые ворота выбравшимся из беды путешественникам. Трактир, грязный, темный, как угол, заплетенный паутиной, трактир этот, помещавшийся в верхнем этаже постоялого двора, как нельзя лучше подходил к толстому купцу, пришедшему поговорить с худеньким приказным по кляузному делу, а к обо-

им вместе как нельзя лучше подходила под стать трактирная машина, гудевшая «Лучинушку» и заглушавшая кляузные разговоры… А в хороший морозный день какую удивительную гармонию представлял обыватель, весело несущий за ногу живого поросенка или гуся и, несмотря на пронзительный вопль животного (которое чует, что люди его сейчас съедят), не упускающий случая приторговывать все встречное и поперечное, – какую гармонию представлял этот обыватель вместе с хрюканьем и ораньем, со скрипом замороженного снега и с веселым буханьем в большой соборный колокол по случаю парадного дня?.. Гармония во всем этом была полная. Тряпье, дикость, невежество, хрюканье и проч. и проч. – все это было пригнано и прилажено все к тому же невежеству, тряпью, хрюканью и дикости и, стало быть, не могло не только поражать вашего глаза, но даже ни на волос не обижало его…

Теперь не то.

Гармония подлинного тряпья нарушена пришествием решительно несовместных с ним явлений. Из превосходного вагона железной дороги пассажир вылезает прямо в лужи грязи, грязи непроходимой, из которой никто не придет вас вынуть, потому что машина прошла в таком месте, где отроду не было ни народу, ни дорог… Ощущение гибели, беспомощности вдруг овладевает вами нежданно-негаданно, и с первого же шага нежданность явлений и ощущений уж не покидает вас: в новом суде изо дня в день тянется перед

глазами слушателей одна и та же до мелочей однообразная повесть о крайнем убожестве, об убийстве спьяну, о краже спьяну, о краже с голоду, – повесть о круглой голи, о какой-то маленькой, зеленой копейке, а обстановка этой копейки стоит рубля; на сцену ставят дело о несчастнейшей, беднейшей, забитейшей женщине, которая не помнит, как родила где-то в хлеву ребенка, не помнит, живой он был или мертвый, а только умеет реветь, ничего не в силах будучи сообразить, а на обстановку этого несчастия идет ничуть не меньше, чем на постановку «Аиды» и «Африканки»[3].

Прежняя, старинная грязь и лужи, прежние гнилые заборы с нищими на углу, поющими «подайте Христа ради!», – а над головой нищей, на том же углу, «Парижская жизнь»[4], оперетка, изуродованные куплеты которой заглушаются буханьем в колокол у Никитья, где завтра престол… *Вдруг,* нежданно-негаданно, налетит по железной дороге Рубинштейн, Давыдов[5]… *Вдруг* забежит волк и перекусает возвращающихся с концерта меломанов[6]… Лохмотья, до последней степени расстроенные нервы, волк, Рубинштейн, венская карета и первобытная мостовая, мигрень и тик рядом

---

[3] *«Аида»* (1871) – опера Д. Верди (1813–1901); *«Африканка»* (поставлена посмертно, 1865) – опера Д. Мейербера (1791–1864).

[4] *«Парижская жизнь»* (1866) – оперетта Ж. Оффенбаха (1819–1880).

[5] *Рубинштейн* – повидимому, речь идет о пианисте Н. Г. Рубинштейне (1835–1881), охотно дававшем концерты в провинции, *Давыдов* – вероятно, К. Ю. Давыдов (1838–1889), известный виолончелист-виртуоз.

[6] *Меломан* – любитель музыки.

с простым угаром, все это проходит одно за другим, желая представить из себя нечто общее, нечто переплетенное в одну книгу под одним общим заглавием «Губернский город такой-то», и нисколько не достигает чего-нибудь подобного, а только поражает, заставляя на каждом шагу спрашивать себя: зачем и откуда взялась венская карета в этой луже? Почему не просто соленый огурец, а какой-то соленый конкомбр[7]? Зачем Рубинштейн? Зачем волк? Зачем «Парижская жизнь»?.. Зачем железная дорога?..

Словом – полная неизменность первобытных условий, при которых по городу свободно могут бегать волки, при которых даже и состоятельный человек считает долгом по крайней мере раз в месяц угореть так, что его «вытаскивают» замертво, – полная неизменность условий, при которых вполне возможны и законны сугробы, лохмотья и т. д., и в то же время несомненное присутствие или напор в среду этих условий – мигреней, венских карет, опереток, громадных окладов, расстроенных нервов и множества других новостей, решительно не подходящих к старому, но смешанных с ним какою-то неведомою и невидимою силою, – делает эту смесь, эту толкучку явлений досадною до последней степени. В самом деле, что должна перенести ваша мысль, если разговор о литературе, который вы сейчас вели в весьма просвещенном обществе, сменяется темною, как могила, улицею, по которой вам приходится идти, думая толь-

[7] *Конкомбр* (франц. concombre) – огурец.

ко о спасении себя от луж, собак, а то и прямо от волков? Нормальна ли будет ваша мысль, если грустные впечатления горемычнейшего процесса, виденного в суде, – непременно должны быть либо просто забыты, либо изглажены впечатлениями разных маркиз и виконтов, бог знает как переведенных с французского, возвратившихся из ободранного елового Булоноского леса, которых вы видите на театре?.. Крайняя разнородность, полная разорванность явлений, которых невольно должна касаться ваша мысль в продолжение хотя одного дня, к вечеру этого дня истомляет вас, расслабляет. Приходится неожиданно думать о неожиданных вещах и неожиданно прекращать случайно начатую мысль ради чего-нибудь также неожиданного, а в результате – нуль, скука, досадная зевота…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.